

Гейл прекрасно понимал: мужчинам не пристало ломаться или строить из себя недотрог. Но когда тебе действительно дорог человек, в интимных вопросах неизбежно проявляешь осторожность. И неважно, мужчина перед тобой или женщина.

Раньше Гейл никогда не связывал себя столь глубокими узами с другим мужчиной. Он и подумать не мог, что испытает нечто подобное — чувство настолько сильное, что от него всё внутри переворачивалось. И то, с каким трепетом он теперь подходил к их близости, объяснялось исключительно важностью этих отношений, а вовсе не полом партнера.

Гейл не был дураком и отлично видел: терпение Валентина уже на исходе. Тот покорно ждал, пока Гейл полностью примет их новую реальность... Ну, по крайней мере, так казалось со стороны. Стоило Гейлу отступить хотя бы на шаг, как Валентин тут же прекращал натиск, не позволяя себе лишнего.

Однако мужская воля — штука хрупкая, куда тоньше, чем принято думать. Иногда всё случается само собой, легко и естественно. Лежа на спине и глядя в потолок, Гейл предавался довольно противоречивым мыслям.

— О чем задумался? Не о том ли, что мне удалось доставить тебе удовольствие, и откуда у меня столько опыта? — Валентин, набросив на плечи один лишь легкий халат, небрежно прислонился к дверному косяку.

Его золотистые волосы после душа были слегка взъерошены, а в глазах еще стояла влажная дымка, отчего он казался невероятно, почти пугающе красивым.

Гейл промолчал.

«Связываться с излишне проницательным любовником — явно не самое умное решение».

Что греха таить, сама мысль о близости между двумя мужчинами раньше вызывала у Гейла легкую неловкость. Ему казалось, что принимающей стороне вряд ли может быть приятно. А если бы они поменялись ролями, Гейл наверняка напрочь отбил бы у Валентина всё желание своей неуклюжестью... Но на деле всё вышло иначе. Валентин оказался настолько ласков и чуток, что Гейл не почувствовал ни малейшего дискомфорта. Более того, под конец его захлестнуло такое острое, невиданное прежде наслаждение...

И от этого на душе у него становилось еще более беспокойно.

— Твоя голова могла бы быть занята чем-то более полезным, — негромко рассмеялся Валентин. — Впрочем, виноват: я ведь так и не рассказал тебе, что в Звездной сети есть специальные симуляторы тактильного опыта.

Гейл был достаточно сообразителен, чтобы не переспрашивать, что это такое. Название

говорило само за себя. Зато это нехитрое объяснение принесло ему заметное облегчение. Он плотнее закутался в одеяло и сел.

Валентин подошел ближе. Не успел Гейл опомниться, как тот склонился и мягко коснулся его губ своими.

— Повторим? — хрипло выдохнул он.

Прежде чем Гейл успел хоть что-то ответить, в дверь негромко постучали. Сработал рефлекс, опередивший здравый смысл.

— Войдите! — выпалил Гейл.

Это была его спальня. В общежитии академии Инцюн каждому курсанту полагались отдельные апартаменты. Они жили вдвоем — он, Валентин и Вивиан, деля лишь просторную гостиную и кухню. Посторонние сюда почти не заглядывали. Отношения с другими студентами «Освильда» в последнее время наладились, но до близкой дружбы дело еще не дошло. Единственным частым гостем бывала Вивиан, поэтому Гейл и отозвался на стук чисто машинально.

«Черт, сейчас же совсем неподходящий момент!»

Даже если это Вивиан... Застать их в таком виде...

Гейл мысленно проклял высокие технологии: двери здесь открывались автоматически по голосовой команде, не давая ни секунды на то, чтобы передумать и запереться!

— Гейл, мы же договаривались сегодня вместе...

Святые угодники. В этот миг Гейл искренне пожелал провалиться сквозь землю.

На пороге стояла вовсе не Вивиан. Это была Сюэ Вэньсы, а за ее спиной шумной гурьбой толпились остальные ребята из высшей школы «Освильд»!

Сегодня был выходной. На часах — девять утра, время вполне детское. Накануне вечером Гейл одержал оглушительную победу в поединке, и ребята твердо вознамерились отпраздновать триумф.

Беда в том, что Гейл напрочь об этом забыл.

Да что там празднование — он даже про утреннее открытие лавки в Звездной сети не

вспомнил!

Картина маслом: толпа остолбеневших студентов уставилась на Гейла, судорожно сжимающего одеяло, и на Валентина, который в своем полураспахнутом халате выглядел куда более невозмутимо и вальяжно.

Конечно, в их просвещенный век подобным зрелищем никого до обморока не доведешь, но и назвать ситуацию обыденной язык бы не повернулся. Гейл сгорал со стыда, однако прятаться с головой под одеяло, подобно кисейной барышне, гордость не позволяла.

Положение спас Валентин. Абсолютно спокойным, ровным тоном он произнес:

— Подождите снаружи, пожалуйста. Мы переодеемся и сейчас выйдем.

Ребята молча попятились и прикрыли за собой дверь.

Гейл растерянно моргнул.

Он сам мог забыть о встрече, но Валентин? Этот педант никогда ничего не упускал из виду.

Гейла осенила внезапная догадка.

— Зачем ты это сделал? — спросил он. Гейл не то чтобы сильно злился — скорее испытывал неловкость, — но искренне не понимал, к чему Валентину понадобилось так демонстративно раскрывать их карты.

Валентин тем временем не торопясь натягивал брюки.

— Сюэ Вэньсы к тебе равнодушна, — небрежно бросил он.

Гейл лишился дара речи.

«Ты сейчас серьезно, что ли?!»

Да с самого первого дня в академии Сюэ Вэньсы спала и видела, как бы уколоть его побольнее! Отношения у них наладились буквально на днях.

— Буквально только что я окончательно в этом убедился, — добавил Валентин, протягивая Гейлу его вещи. — Раньше были лишь смутные подозрения. Переодеваться думаешь?

— Конечно, — буркнул Гейл, вылезая из постели.

Даже по строгим меркам Валентина, обладавшего безупречным эстетическим вкусом, фигура Гейла была великолепна — четкие, сильные линии, развитая мускулатура. Жаль только, вся эта красота мгновенно скрылась под слоями одежды.

Гейл наскоро пригладил пятерней растрепанные вихры, и они с Валентином вышли в общую гостиную.

Сюз Вэньсы и впрямь выглядела сама не своя. Впрочем, в академию Инцюн дураков из простых семей не принимали — все ребята здесь обладали завидной выдержкой и умели держать лицо, так что девушка быстро взяла себя в руки.

Если бы не предупреждение Валентина, Гейл ни за что бы ничего не заметил.

Воспользовавшись моментом, он украдкой оглядел однокурсников, с которыми они за последнее время успели сблизиться, и подметил еще одну любопытную деталь.

У старшей сестры Констанции выражение лица тоже было весьма красноречивым. Она смотрела на Валентина с такой... приглушенной тоской и обидой.

Гейл мысленно усмехнулся. Ладно, пускай знают. Так даже лучше — меньше будет лишних расспросов и ненужных надежд.

В этот момент из своей комнаты вышла Вивиан. Заметив столпотворение в гостиной, она удивленно вскинула брови:

— О, вы уже все здесь?

— Вивиан! — Цзян Цяочжи тут же подскочила к ней и фамильярно ухватила под руку.

Вивиан едва заметно вздрогнула.

«Милая, мы с тобой отродясь не были так близки, — удивленно подумала Вивиан».

— Слушай, а они... правда вместе? В смысле, в этих самых отношениях? — заговорщически прошептала Цзян Цяочжи.

Шепот, разумеется, получился весьма условным — в притихшей комнате каждый так и замер, наострив уши.

— Не проще ли спросить об этом нас напрямую? — с мягкой полуулыбкой отозвался Валентин.

В их время совместная ночь еще не означала чего-то серьезного — молодые, горячие тела, у всех бурлят гормоны, дело житейское. Все это прекрасно понимали.

Однако Вивиан лишь беззаботно пожала плечами:

— Вообще-то, они давно помолвлены.

По комнате пронесся дружный вздох.

«Что?! Помолвлены?!»

Сказать по правде, в самом начале учебы Гейл и Валентин держались особняком, фактически в изоляции. Позже лед немного подтаял, но Гейл по-прежнему оставался неразговорчивым, а Валентин — подчеркнуто холодным. Оба казались неприступными крепостями. Но разве это могло остановить влюбчивых сверстников?

Красивое лицо во все времена открывало любые двери. В конце концов, в каком бы веке ни жили подростки, когда у них начинают играть гормоны, первое, на что они западают, — это внешность.

В свое время Вивиан даже пришлось принять на себя удар завистников — ее часто видели в компании этих двоих. К счастью, на тактическом отделении девушек было раз-два и обчелся, да и глупостями они голову себе не забивали, так что до открытой травли не дошло. Хотя пару раз ядовитые шпильки в свой адрес она все же выслушала.

Пусть сейчас союзом двух мужчин никого не удивишь, законы генетики никто не отменял: большинство людей оставались гетеросексуальными. При этом никто больше не пытался переделать геев или навязать им «правильные» ценности. Именно поэтому во взгляде Сюэ Вэньсы читалось такое глубокое разочарование.

Она, судя по всему, решила, что Гейл предпочитает исключительно мужчин.

Хотя на самом деле стопроцентным геем в их паре был как раз Валентин.

Гейл знал об этом наверняка, поэтому за Констанцию ничуть не переживал. Вот если бы на горизонте нарисовался какой-нибудь выдающийся красавец и принялся оказывать Валентину знаки внимания — тут бы Гейл точно занервничал.

«Валентин у нас парень строгой ориентации, девчонки, так что ловить вам тут абсолютно нечего».

Несмотря на столь сумбурное утро, отменять планы никто не стал. Вся компания дружно вывалилась из общежития и отправилась праздновать победу Гейла.

Устроившись на сиденье глайдера, Гейл активировал свой персональный терминал и изумленно округлил глаза:

— Откуда столько входящих сообщений?

Валентин бросил мимолетный взгляд на экран:

— Должно быть, предложения о сотрудничестве.

— Предложения? — Гейл наобум ткнул в одно из писем. — «Меха-клуб»... Что это вообще такое?

— Организации, превратившие бои на мехах в прибыльный бизнес, — коротко пояснил Валентин. — Отклоняй не глядя.

— Все сразу? — Гейл присвистнул, мельком глянув на суммы обещанных гонораров. — Но тут предлагают просто астрономические деньги!

— Мы курсанты военной академии. После выпуска наш путь лежит в регулярную армию, зачем нам эти цирковые конторы? — подала голос Сюз Вэньсы, после чего смущенно отвернулась к окну.

Они общались от силы пару недель, но она никак не могла побороть глупое желание заговаривать с ним при каждом удобном случае.

— Разве что ты решишь бросить учебу, — вдруг вмешалась Констанция. — Хотя с твоими навыками, Гейл, в профессиональной лиге тебя с руками оторвут. Карьера может получиться головокружительная.

Это было удивительно: за всё время их знакомства Констанция не удосужилась сказать Гейлу и десятка слов, даже когда компания стала более сплоченной.

Гейл мгновенно уловил скрытый мотив старшекурсницы.

«Ишь чего удумала! Надеешься, что если я брошу академию, то мы с Валентином расстанемся? Какая наивность!»

— Ну уж нет, — твердо произнес Гейл, без малейших колебаний отправляя все запросы в корзину. — Сейчас всё почищу.

Впрочем, даже оставшись без внимания клубов, Гейл уже наделал шуму. И не только на просторах Звездной сети. В реальном мире на юного гения обратило внимание командование Легиона Серебряной Звезды и штабные чины Инцюна. Правда, для высшего руководства Вивиан по-прежнему представляла куда больший интерес.

За первоклассных пилотов штабы могли побороться, но их ценность никогда не шла в сравнение со значением гениального тактика и стратега.

Гейл и Валентин давно определились со своим будущим. В эпоху великих потрясений отсиживаться в теплом тылу они не собирались, да и с их способностями пробиться наверх не составляло труда. Гейла манила неизведанная глубина бескрайнего космоса. Валентина же интересовали секретные архивы и экспериментальные лаборатории, доступ к которым в это смутное время полностью контролировали военные.

И пусть его собственные научные познания опережали нынешний век на столетия, здесь всё еще оставалось немало загадок, будоражащих ум исследователя.

Что же касается участия Гейла в турнире — его интересовал исключительно главный приз, а не дешевая популярность.

— Надо же, этот Диккенс, оказывается, местная знаменитость, — протянул Гейл, листая новостную ленту. Их вчерашний бой смаковали на все лады на каждом информационном портале.

Только сейчас до него дошло, какую крупную рыбу он умудрился уложить на лопатки.

— Еще бы, — подтвердила Вивиан. — Его прочили в главные фавориты турнира. С такой игрой, Гейл, ты гарантированно в тройку лидеров войдешь, а там и до чемпионского титула рукой подать!

Ребята весело рассмеялись. В этот момент каждого из них переполняла гордость за то, что этот невероятный пилот учится с ними в одной школе — в «Освильде».

Для банкета они выбрали самый фешенебельный ресторан на планете. Платить вызвался Ирис — уговор был заключен еще вчера. Официально у маршала Кордона была лишь одна дочь, однако Ирис, будучи его внебрачным сыном, ни в чем не знал отказа. Семья его матери владела одной из крупнейших торговых империй в галактике, так что подобные траты для него были сущим пустяком.

Но стоило им приблизиться к заведению, как на коммуникатор Ириса пришло срочное

уведомление. Юноша замер на полуслове, вслушиваясь в сухой голос динамика, и внезапно задрожал всем телом.

Компания остановилась. Веселый смех мгновенно оборвался.

Лицо Ириса сделалось блее мела. От его привычного высокомерия и гордости не осталось и следа — во взгляде застыл дикий, непередаваемый ужас. Никто даже не решился спросить, что стряслось.

— Директор Крофт... требует, чтобы мы срочно вернулись, — едва шевеля губами, прошептал он.

— Что произошло? — собранно и жестко спросила Вивиан. Как будущие тактики, после памятного столкновения с космическими пиратами они с Ирисом успели найти общий язык.

Глаза Ириса подозрительно заблестели от подступающих слез.

— Беда в «Освильде»... Эти твари из Легиона Серебряных Крыльев обошли три наши оборонительные линии. Четвертая армия зашла в глубокий тыл и нанесла удар прямо по планете Лудери...

Все оцепенели. Лудери была не просто планетой — там ковались будущие кадры Легиона Серебряной Звезды, лучшие умы и стратеги. Нападение на подобные объекты строжайше запрещалось международной конвенцией «Всемирного свода законов». Любые военные действия против учебных заведений и несовершеннолетних граждан считались тягчайшим военным преступлением. Именно поэтому маршал Кордон и допустил такую фатальную оплошность, не позаботившись о надежной защите тыла.

Маршал Вальк Синси нанес коварный, сокрушительный удар, попросту растоптав все существующие законы человечности!

У Валентина похолодело внутри. Он знал, что Лудери суждено пережить катастрофу. В его хрониках упоминалось, что «Освильд» будет практически стерт с лица земли и возродится из пепла лишь спустя годы, навсегда утратив былую славу величайшей академии своего времени.

Но в исторических документах черным по белому значилась совсем другая дата! Это должно было случиться через два года!

Почему временной отрезок сократился настолько радикально?

Он встретился взглядом с Гейлом. Прежняя уверенность в знании грядущего таяла на глазах.

История не была высечена в камне. Само их появление в этом мире нарушило хрупкое равновесие весов судьбы. Взмах крыла крошечной бабочки породил разрушительный ураган.

9 сентября 1270 года эры Звездной реки

Пошел седьмой год с тех пор, как Гейл очутился в этом безумном мире.

И впервые его душу сковал леденящий, парализующий ужас. Даже когда он выживал в одиночку на вонючих свалках мусорной планеты Земля, он не чувствовал себя настолько беспомощным.

Перед глазами замелькали картины из жизни в «Освильде». Далеко не все воспоминания были приятными, хватало и обид, и глупых ссор.

Но мысль о том, что все эти живые, дышащие люди в один миг превратятся в безжизненную космическую пыль, ранила сердце сильнее любого клинка.

В итоге Гейл, которого миллионы фанатов уже видели на вершине пьедестала, так и не явился на свой третий финальный поединок. На обратном пути к Лудери ни о каких играх никто и помыслить не мог. Праздничный угар испарился без следа.

Только сейчас, глядя на тревожные сводки новостей, они по-настоящему осознали: война подобралась к ним вплотную. Ее зловонное дыхание уже обжигало им спины.

Директор Крофт молча стоял на мостике корабля. Валентин прищурился, глядя на его прямую спину. В его голове зашевелились смутные сомнения.

В эту эпоху детальной фиксации информации архивы велись безупречно. Даже к шестнадцатому веку исторические хроники дошли в идеальном состоянии — именно благодаря им Валентин знал судьбу Лудери и академии «Освильд».

Но имя Джоса Крофта в этих хрониках едва упоминалось. Будто сухая, безликая сноска на полях великой истории. Когда Валентин впервые услышал его, оно показалось ему знакомым, но никаких подробностей его памяти извлечь не удалось.

Однако теперь, зная Крофта лично, Валентин не сомневался: этот человек обладал колоссальным влиянием и незаурядным умом.

Личность такого масштаба никак не могла затеряться на задворках истории, оставив после себя лишь сиротливое имя без подробного жизнеописания. Если только... кто-то умышленно не

стер эти данные.

Путь домой казался бесконечным. Каждая секунда в гиперпространстве тянулась как томительный, мучительный час.

Когда же в иллюминаторах наконец показался знакомый силуэт планеты Лудери, Гейл содрогнулся. Вместо цветущего оазиса перед ними предстал изувеченный войной кусок скалы, который было трудно узнать.

Повсюду чернели рваные раны пепелищ.

— А где... где люди? — выдавил кто-то осипшим голосом.

— Есть выжившие, — донесся глухой ответ офицера связи. — Но очень многих спасти не удалось.

— Маршал Синси совершил чудовищное преступление! Он растоптал Всемирный свод законов! — в ярости выкрикнул один из курсантов.

Валентин лишь тяжело вздохнул:

— Война не знает законов и правил. У нее своя, звериная логика: ты либо побеждаешь, либо погибаешь. Всё решает сила.

Надеяться, что правительство Инцюна призовет к ответу правителей Цанлани? Пустые иллюзии. Все знали, насколько немошна и труслива нынешняя федеральная власть. Когда в пламя войны оказались втянуты сразу три звездные системы, старые правила стали обузой. Все ждали лишь того, у кого первого сдадут нервы и кто решится сорвать маски.

И как только это произошло, пожар войны охватил самые темные уголки галактики.

Валентину вспомнились строки из мемуаров одного военного историка будущего:

«Маршалу Синси больше не требовалось тайное покровительство Инцюна. Ему нужен был открытый союз. Ради этого он пошел ва-банк: ударил по мирной школе, наплевав на международное право и пролив кровь беззащитных детей. Ему было плевать на проклятия и гневные ноты протеста. Единственное, чего он добивался, — заставить Инцюн сделать окончательный выбор и встать с ним плечом к плечу. Время неумолимо ускользало, и в этот момент маршал Вальк Синси вел себя как настоящий безумец».

Вот только Валентин не предполагал, что это безумие начнется на год и девять месяцев раньше положенного срока. Почти на два года раньше.

В тишине каюты раздался тихий, прерывистый плач.

Гейл закрыл глаза, и в его памяти начали всплывать лица — смутно знакомые, стертые временем. Цяо Чжичун, Лонгфелло, Моисей, Хелли...

Они ведь даже не были друзьями, едва здоровались при встрече. Но сейчас он почему-то помнил каждого. Вспоминал однокурсников со своего отделения пилотирования, которые робели заговорить с ним; ту застенчивую девчонку, которая при виде него краснела и бросалась наутек, и чье лицо он так никогда и не разглядел... Вспоминал даже тех заносчивых придурков, которых раньше искренне презирал.

И от этого на душе становилось невыносимо, до хрипа горько.

17 декабря 1270 года эры Звездной реки

На следующий день после возвращения на растерзанную планету Лудери Гейл, Валентин и Вивиан принесли присягу и официально пополнили ряды регулярной армии.

Жернова судьбы завертелись с такой бешеной, пугающей скоростью, что у Гейла перехватывало дыхание. Он едва поспевал за ходом событий.

Но в одном он был уверен абсолютно твердо.

Его верные товарищи и его любимый человек пройдут этот путь вместе с ним, плечом к плечу, деля на двоих любые невзгоды.

Вивиан будет рядом. Валентин — тоже.

Это и было то единственное, что Гейл поклялся защищать до самого конца. И это решение оставалось неизменным.

<http://bllate.org/book/19793/2000911>